

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р51

Разработка серии — *И. Осипов*
Оформление обложки — *Е. Вдовиченко*
Комментарии — *А. Хорошевский*

Римский-Корсаков, Воин Андреевич.

Р51 Человек в океане. Дневник кругосветного путешествия / Римский-Корсаков В.А. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. : ил. — (Подарочные издания. Великие путешествия)..

ISBN 978-5-04-097328-6

Контр-адмирал Воин Андреевич Римский-Корсаков (1822—1871) знаменит и как участник кругосветного плавания к берегам Японии, Китая и Дальнего Востока (1852—1857), и как реорганизатор системы военно-морского образования России на посту директора Морского кадетского корпуса (1861—1871). В честь В. А. Римского-Корсакова названа группа островов в заливе Петра Великого и город Корсаков на Сахалине. Сегодня его знают скорее как старшего брата великого композитора Н. А. Римского-Корсакова. Гораздо менее Воин Андреевич известен как автор замечательных рассказов о своих многочисленных путешествиях. В ряду отечественных писателей-маринистов Римский-Корсаков занимает хотя и достойное, но совершенно не соответствующее своим заслугам место. И лишь потому, что многочисленные его произведения рассеяны по разным изданиям, большинство из которых давно стали библиографической редкостью. Истории из морской жизни В. А. Римского-Корсакова полны сочных описаний заморских стран, быта и нравов местных жителей, происшествий на море, кораблях и штормах, фарватерах и мелях, но прежде всего они о людях, преодолевавших немыслимые препятствия в достижении великих и благородных целей.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тексты, комментарии, иллюстрации, макет, дизайн, оформление.
Издательство «ОКО», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-097328-6

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

В 1852 году в Японию для переговоров был послан вице-адмирал Е. В. Путятин. Посвященная этой знаменательной дипломатической миссии книга И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» давно вошла в русский литературный канон. Однако почти никому не известно замечательное повествование участника экспедиции, командира шхуны «Восток» В. А. Римского-Корсакова. А ведь оно не просто дополняет творение классика русской литературы — оно наглядно показывает: история — это всегда сумма историй. Причем историй, рассказанных по-разному, ибо одно и то же каждый из нас видит по-своему.

Путевые письма и дневники В. А. Римского-Корсакова, его воспоминания, официальные отчеты и статьи на разные темы печатались в главном журнале российского флота «Морской сборник» и при жизни автора, и позже (нами выявлено не менее тридцати публикаций). Во второй половине XX века увидело свет еще несколько изданий. Готовя к печати настоящий том, мы собрали воедино самые яркие рассказы Римского-Корсакова о морской службе и плаваниях, уделив главное внимание его пятилетнему кругосветному путешествию (1852—1857). Вместе с тем нам хотелось дать современному читателю возможность составить более объемное представление о славном российском мореходе. Ограничиться путевыми заметками кругосветного плавания значило бы обеднить образ их автора, представить его только регистратором одной экспедиции. А это далеко не так. Вот почему в настоящее издание включены также его рассказы-впечатления об английском флоте и размышления о морском воспитании гардемарин — будущих морских офицеров. Тем самым мы не только дарим читателям первоклассную историю о морском путешествии, но и воздаем долг памяти и уважения одному из лучших российских моряков и замечательному писателю-маринисту, незаслуженно забытому «ленивыми и нелюбопытными», по словам Пушкина, потомками.

СОДЕРЖАНИЕ

Корсаковы Римские

12

Человек разумный — единственный вид на Земле, одаренный тем, что мы называем исторической памятью. Хотим мы того или нет, но мы являемся наследниками наших отцов и дедов — и передаем это духовное наследство своим потомкам.

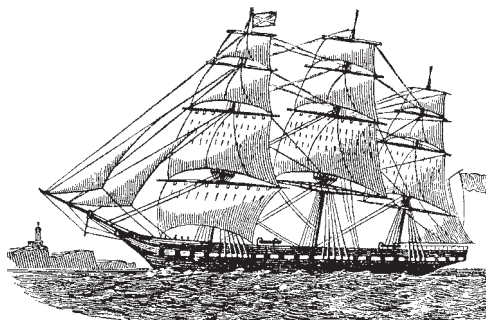

*Д. Мертваго.
Несколько слов в воспоминание
Воина Андреевича
Римского-Корсакова,
контр-адмирала, начальника
Морского училища*

Из последующих событий жизни Воина Андреевича следует заключить, что способности лейтенанта Римского-Корсакова обратили на себя внимание высшего морского начальства, так как не прошло и месяца по возвращении тендера «Лебедь» из внутреннего плавания в Кронштадт, как уже командир его получил новое, весьма лестное назначение — отправиться на шедшем тогда в кругосветное плавание фрегате «Паллада» в Англию и принять там под свою команду винтовую ихуну, купить которую имел поручение адмирал граф Путятин, имевший свой флаг на «Палладе».

19

Несколько встреч с английскими военными судами

35

И на палубах и в трюме — везде простор и порядок. Вода, провизия, запасы и снаряды размещены удобно и сподручно. Наверху, в батареях, на кубрике и в арсенале, где-нибудь на видном месте — на бимсе или на переборке — надписи: или «God save the Queen», или бессмертный сигнал Нельсона: «England expects, that every man shall do his duty». Эти два изречения приняты всем английским флотом как священный девиз, как всегдашний пароль. Нельзя не почувствовать уважения к возвышенной мысли, внушившей подобное распоряжение.

ВОКРУГ СВЕТА ЗА ПЯТЬ ЛЕТ Письма и дневники

Кронштадт — Портсмут —
мыс Доброй Надежды
(август 1852 — апрель 1853)

Все решено, я иду в вояж командиром покупаемой шхуны и буду утвержден в этом звании высочайшим приказом, как только окрестят судно, т. е. дадут ему имя. Условия наши с Путятиним насчет сроков возвращения хотя и не состоялись в том виде, в каком я желал, тем не менее обещано мне здесь, что я через три года непременно возвращусь. Но граф Гейден мне поручился, а Путятин обязался содействовать в том, чтобы меня не теснили и не принуждали остаться там против воли.

50

Мыс Доброй Надежды —
Ява — Гонконг
(апрель — июнь 1853)

77

Отправляясь от мыса Доброй Надежды в Вербную субботу и, следовательно, рассчитывая встретить день Пасхи в море, я и офицеры мои поговаривали, что хорошо бы в этот день прийти на меридиан Петербурга, чтобы встретить праздник в один и тот же час с нашими родными и друзьями. Обстоятельство это мелко, нет сомнения, но для нас, плавающих и путешествующих в таком отдалении от всего родного и близкого, всякое, даже воображаемое сближение дорого, и мы, конечно, вдвое веселее оттого, что наше желание исполнилось.

Гонконг — Кантон — Бонинсима —
Нагасаки — Сахалин
(июнь — август 1853)

Я был крайне, крайне доволен, чуть ли не восхищен. Кроме того, что все вокруг было чрезвычайно новым и любопытным, я с особенным удовольствием сближал то обстоятельство, что судьба толкнула меня именно в те места, которые я изучал и описывал год тому назад. И казалось мне, будто еще тогда, когда я у вас в Тихвине я просиживал за своими трудами, я имел какое-то неясное предчувствие, что я сам все это увижу. И, увлекаясь этим, верил в счастье моей звезды.

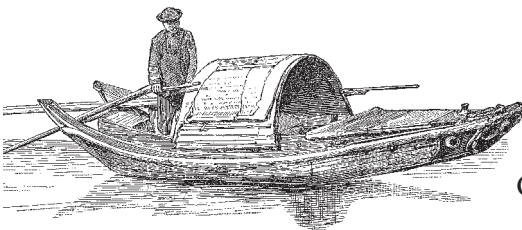
111

Сахалин — Амур —
Петровское зимовье —
Императорская гавань — Нагасаки
(август — октябрь 1853)

147

Итак, мы теперь в лимане Амура, к которому проложили путь сами, и я благодарю Бога за то, что Он дал мне довольно смелости, чтобы предпринять и вполнину окончить такое дело, которое может иметь влияние на судьбы этого края, и тем принести, может быть, пользу России. Стараюсь заставить молчать свое тщеславие, но едва ли хватит на это хладнокровия.

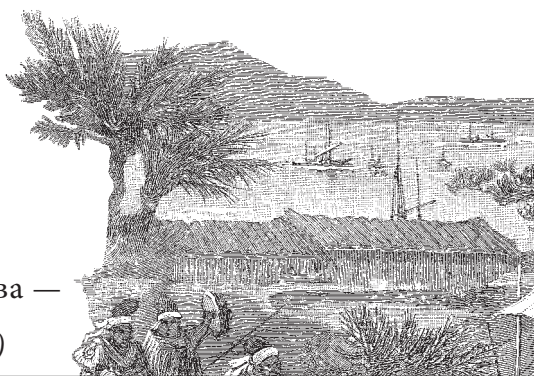

Нагасаки — Шанхай —
Седелные острова — Нагасаки
(октябрь — декабрь 1853)

Аккуратность и опрятность японцев бросается в глаза с первого раза. Все подвезжавшие к нам лодки были всегда наистрожайше вымыты, не отличались никакой особенной отделкой, но можно было любоваться аккуратностью отработки самых простых вещей на них. Все весла, ведра для воды, стойки для тента, жалюзи в окнах каюток, скамьи внутри — все это сделано из простой сосны, но так гладко выстругано, что, я думаю, Гамбсова полировка покажется шероховатой.

183

Нагасаки — Седельные острова —
Напакианг — Манила
(декабрь 1853 — февраль 1854)

217

*Бесподобная гавань — этот внутренний Нагасацкий рейд.
Сколько прекрасных бухточек вдается по его зеленеющим живописным берегам.
Как эти берега возделаны, заселены, какая на всем печать трудолюбия
и опрятности! Особенно живописны два караульных мыса,
обозначающих каждый со своей стороны по бухточке,
в глубине которых расположены селения.*

Манила — Батан — Напакианг —
порт Гамильтон — Нагасаки —
Шанхай — Сахалин
(февраль — июль 1854)

*Поутру на всех судах эскадры читали команде приказ адмирала, объявляющий об
успехах наших против турок и о возможности разрыва России с Англией и Францией.
Приказ был написан весьма прилично, скромно и вместе с тем сильно. Команда
на фрегате крикнула «ура!», но не с таким одушевлением, какого можно бы желать.
А впрочем, я в глубине души имею убеждение, что любая из наших команд будет
драться с ожесточением.*

256

Сахалин — Петровское зимовье —
Николаевск
(июль — декабрь 1854)

287

*Сотни семей переселены на реки Мая и Алдан в Якутскую область, где отличная
пахотная земля доселе посещалась одними лишь медведями; другая сотня, а в будущем,
без сомнения, тысячи, заселит вскоре левый берег Амура. Какими средствами
и какими доходами это делалось, не умею вам сказать, но только сказывали
мне, что Сибирь не стоит России ни копейки в настоящее время.
Наконец в это бывшее царство ябедников и взяточников
отовсюду стекались не только способные,
но и благовоспитанные люди.*

Николаевск — Петровское зимовье —
Николаевский пост — Мариинский пост
(февраль 1855 — февраль 1856)

Несмотря на то что у нас в Новгородской губернии зимой снега не искать, вы, я думаю, с трудом себе представите количество и глубину здешних снегов. Нынешней зимой с половины декабря до половины января господствовал северный ветер, неизменно несущий с собой здесь вьюги. Неистовство этих вьюг, или по-здешнему пург, превосходит все подобное в наших краях: на 50 шагов предметы слабо видны, а на 100 — ничего не видеть, кроме стремящейся и крутящейся снежной сыпи (извините за нововведение).

315

Амурский лиман — Хакодате —
Симода — Гонконг — Манила
(июнь 1856 — февраль 1857)

349

Вчера в два часа пополудни я вступил в командование корветом — стареньким, но все еще одним из лучших судов нашего бывшего парусного флота... Так неожиданна и ошеломительна была эта новость, что я на первых порах не знал, радоваться ли ей или печалиться, но теперь, приняв во владение щегольской корвет с лихой командой и офицерами-охотниками, видя перед собой вновь интересный вояж и любимую стихию, я не могу смотреть на будущее иначе, как в розовые очки.

Манила — Иль-де-Франс —
мыс Доброй Надежды —
остров Св. Елены — Кронштадт
(февраль — сентябрь 1857)

Скажу только вкратце, что Св. Елена — прекрасный островок, гораздо больше являющийся внутри, чем обещающий снаружи, что я съездил поклониться гробу Наполеона и видел все, что связано с его пребыванием на острове. Его могила — в самом жалком состоянии. Достаточно сказать, что его жилище в Лонгвуде отдано в аренду какому-то поселенцу, его бывшая спальня обращена в конюшню, а комната, где он произнес свое последнее «tête... агтее...» и скончался, завалена разным хламом упомянутого фермера.

378

ПРИЛОЖЕНИЯ

О морском воспитании

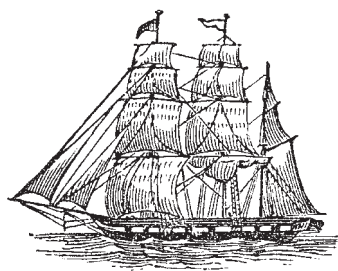
- 403 *Всякий догадается, что при таком воззрении я ставлю морскую жизнь в положение исключительное, что я считаю ее ненормальным существованием для человека, несвойственным ему по природе. Следовательно, прежде чем учить нас ремеслу морскому, необходимо нас освоить до некоторой степени с особенностями морской жизни, а потому и морское воспитание не может быть подчинено тем самым данным, какие могут быть приняты для медика или хотя для прапорищика армии, коих служебная деятельность идет по сухому пути, по этой природной стезе человека.*

От редакции

Нет сомнения, В. А. Римский-Корсаков, как и поколения кадетов и гардемарин до него, прошел через все эти «прелести образования» будущих морских офицеров. Не написал он о них потому, что официальный статус «Морского сборника» и сам жанр его статьи (сдержанная критика вышестоящего) предрасполагал к сугубой сдержанности. Однако нет сомнения также и в том, что Воин Андреевич всей душой желал, чтобы из заповедника муштры, принудиловки и насилия корпус стал кузницей блестящих морских кадров.

429

Словарь морских терминов

КОРСАКОВЫ РИМСКИЕ

Написание обстоятельной биографии Воина Андреевича Римского-Корсакова* или хотя бы подробной летописи его жизни — задача, которую еще только предстоит выполнить будущему биографу. Поэтому мы решили предпослать нашему изданию очерк о нем его младшего современника, сослуживца и подчиненного Д. Ф. Мертваго. Предварим его лишь некоторыми сведениями о роде Римских-Корсаковых, из которого происходил Воин Андреевич.

Первый известный нам Корсаков (еще не Римский) — Жигмунд (Сигизмунд) Корсак — перешел в Литву из Чехии**, по-видимому, в конце правления короля Польского и великого князя Литовского Ягайла. Его сыновья Венцеслав (ок. 1370 — ок. 1435) и Милослав (родоначальник князей Милославских) в конце 1389 г. прибыли в Москву в числе лиц, сопровождавших литовскую княжну Софию Витовтовну***, невесту великого князя Московского Василия Дмитриевича (сына Дмитрия Донского). Правнук Венцеслава, сын боярский Василий Михайлович Корсаков, при великих князьях Иване III и Василии III в 1500, 1505 и 1508 гг. получил поместья в новгородских пятинах****. В 1521 г. участвовал в отражении нашествия на Москву крымского хана Мехмеда I Герая. Его сыновьям Луке (ок. 1513 — ок. 1570) и Семену Василий III грамотами 1527—1529 гг. предоставил долю доходов с Новгорода и Устюжны. В 1561 г. Луке Васильевичу уже Иваном Грозным дана грамота на владение Выгозером. 60 лет спустя, в 1622 г., эти владения числились за внуком Луки Васильевича, новгородским дворянином Александром Васильевичем Корсаковым (ок. 1575, Новгород — ок. 1630). Его внук Никита Гурьевич 15 мая 1677 г. получил царское дозволение

* Далее везде в сносках и в ряде случаев в редакционных текстах — Р.-К. (*Здесь и далее, если не указано иное, — примечание редакции.*)

** По другой версии — из Корсики (отсюда — Корсак) через Рим и Херсонес.

*** Дочь Витовта (ок. 1350—1430), будущего великого князя Литовского (1392—1430).

**** *Пятина* (одна из пяти) — древняя административно-территориальная единица. До XVIII в. пятины существовали в Новгородской земле, окончательно упразднены в 1775 г.

Герб рода Корсаковых

именоваться Римским-Корсаковым*. Это распространялось и на всех его потомков, в том числе на сына — стряпчего и дворянина московского Якова Никитича (1679—1734), родившегося через два года после указа.

В начале Северной войны, занимаясь срочными заготовками провианта, он обратил на себя внимание А. Д. Меншикова: его расторопность, находчивость и угодливость снискали расположение знаменитого царского любимца. Меншиков быстро повысил своего протеже. Известен указ «Генваря 17 [1707]**. Именной, объявленный князем Меншиковым. Об определении Римского-Корсакова в Ингерманландскую губернию земским судьей, и при оном статьи о порядке управления сею губерниею». В нем говорилось:

«Ингерманландской губернии всех городов комендантам, и вице-комендантам, и комиссарам, и провиантам, и каждого чина людям, кто какую над чем команду имеет! По его великого государя указу, велено Якову Римскому-Корсакову быть во всей Ингерманландской губернии ландрихтером [земским судьей] и писаться ему комендантом над Копорьем и Ингерманландской губернии ландрихтером, и вам бы со всем быть ему, Якову, послушным. Господину

* Ибо вместе с некоторыми другими Корсаковыми держался версии о приходе своего предка в Великое княжество Московское хотя и через Литву, но первоначально из Рима.

** Здесь и далее в квадратных скобках даются редакционные конъектуры (вставки) в исходный текст, уточняющие или дополняющие его содержание.

коменданту над Копорьем и Ингерманландской губернии ландрихтеру Якову Римскому-Корсакову чинить по сему...»

Далее следует длинный перечень обязанностей и полномочий, как то:

«...4. Наипаче всего усерднее смотреть того, чтоб как градским, так и уездным всея губернии жителям никаких ни от кого налог, обид и разорения не было, о чем такое попечение иметь, како ему должно суть, и как подданных своих, людей и крестьян, в призрении иметь надлежит; а особливо приказать всем комендантам, чтоб никому ни по каким подорожным никаких подвод не давали, кроме курьеров, посланных на почтах, также под государевы нужные припасы, как с Москвы в Санкт-Петербург, так и от Санкт-Петербурга к Москве везучие, и то давать с запискою и с роспискою именно...

6. Хотя надлежит еще двум персонам быть во всей губернии, а именно: единому обер-комиссару, другому обер-провианту; а понеже еще оные к таким делам неопределены, то по то время, как оные назначены и определены будут: те дела вестить ему, ж господину ландрихтеру, и управлять со всяким усердием а именно: в тех как в денежных, так и в хлебных сборах прилежно смотреть над комендантами, чтоб благопорядочно оные сборы управляли...» и т. п.

Яков Никитич оставался на этом посту до конца десятилетия, получив в 1709 г. царскую грамоту «за рачение», а в 1711 г. был назначен вице-губернатором Петербурга. На этом посту он, помимо прочего, принимал самое деятельное участие в светской жизни (известно, что его особняк был одним из мест проведения насаждавшихся Петром ассамблей), но главное — продолжал истово служить интересам (прежде всего меркантильным) Меншикова. Должность петербургского вице-губернатора, как известно, такова, что не провороваться на ней невозможно, а особенно если тебя понуждают к тому потребности трона. Но в том и состоит судьба исполнителя, чтобы отвечать за грехи своего босса. Во время длительного отсутствия могущественного фаворита (Меншиков управлял отвоеванной у Швеции Ингерманландией) на него был сделан донос — и комиссия под председательством князя В. Д. Долгорукого открыла, как и следовало ожидать, гигантские злоупотребления. Однако Петр, законник над законом, не желал наказывать своего любимца. Сохранился исторический анекдот, согласно которому царь возразил Долгорукому, настаивавшему на наказании главного виновника: «Не тебе, князь, судить меня с Данилычем, а судить нас с ним будет Бог». В ответ Долгорукий рассказал случай, когда вместо любимого управителя, бессовестно обкрадывавшего господина, велено было высечь подчиненного ему ключника, с разъяснением, что ключник расплачивается «за общую их кражу». «Так и ты, государь, сделай,— посоветовал Долгорукий.— Помогал в плутовстве Меншикову Корсаков, и ты накажи его при нем за их общее плутовство, да тем и дело кончи». Так и было сделано: вице-губернатор был отрешен от должности, публично сечен кнутом и отправлен в ссылку в апреле 1715 г. Так грустно завершилась блестящая карьера первого урожденного Римского-Корсакова.

Однако семейная история продолжалась. У Якова Никитича было пятеро сыновей, из которых нас интересует Воин Яковлевич (1702—1757) — основатель морской династии Римских-Корсаковых и прадед славного мореплавателя, которому посвящена наша книга. Тринадцати лет от роду, после ссылки отца, он был определен Петром I в только что открытую тогда в Петербурге Морскую академию, а в 1716 или 1717 г. послан во Францию для усовершен-

ствования в морских науках. Будучи зачислен в городе Тулоне во французский флот пансионером Петра I, он состоял сперва гардемаринном французской службы, а затем последовательно был произведен в унтер-лейтенанты и лейтенанты французского флота. По возвращении в Россию Римский-Корсаков был послан во флот «для экзаменации» достигнутых за границей успехов в науках и 3 ноября 1724 г. произведен в унтер-лейтенанты флота.

Любопытная деталь: в первые же месяцы пребывания на полузабытой родной земле молодой морской офицер ухитрился войти в небольшое столкновение с императором. За годы, проведенные во Франции, он обучился не только морским наукам, но и отменному французскому вкусу. Петр I, столь попустительствовавший своим любимцам, в отношении ко всем прочим подданным отличался примерной придирчивостью. Особенно это касалось молодежи, которую он желал воспитывать отнюдь не на примере своих любимых мздоимцев и расточителей, а на прописях «Юности честного зеркала». Так, например, он пристально следил, чтобы молодые люди одевались по средствам. Поэтому, увидев Римского-Корсакова, щеголявшего в роскошном бархатном платье, Петр I подозвал его к себе и сказал: «Корсаков! Штаны на тебе такие, каких не носит и государь твой. Смотри, чтоб я с тобой не побранился. Это пахнет мотовством — я ведь знаю, что ты не богат*». Впрочем, последствий это не имело: 28 января 1725 г. император скончался.

Пропустим здесь скрупулезное перечисление должностей, которые занимал Воин Римский-Корсаков, получаемых им очередных званий и выполняемых поручений; назовем лишь некоторые вехи его карьеры.

В мае 1734 г., командуя галиотом «Керс-Макер», лейтенант В. Я. Римский-Корсаков принял участие в кампании по осаде Данцига** — и в мае попал к французам в плен, однако вскоре был освобожден. В ноябре 1740 г. он был произведен в «капитаны полковничьего ранга» и командирован «состоять за маршала от флота» при отправлявшемся к турецкому султану чрезвычайном и полномочном посольстве генерала Румянцева. А по возвращении из Константинополя в 1742 г. удостоился милостивого внимания новой государыни Елизаветы Петровны, которая назначила ему присутствовать в Комиссариате и начальствовать над придворными яхтами. В июне 1745 г. Римский-Корсаков

**Вице-адмирал
Воин Яковлевич Римский-Корсаков
(1702—1757)**

* Это государь мог утверждать с полной ответственностью, ибо, как мы помним, был лично причастен к разорению отца молодого моряка.

** Известный эпизод Войны за польское наследство (1733—1735).